

Стоило Сакуносукэ Оде закончить очередную правку своей рукописи, как в доме воцарился привычный хаос. Впрочем, домашнюю суету быстро затмили тревожные новости из внешнего мира — события там разворачивались с пугающей быстротой.

— Слышали? В Вонголе творится чертовщина: из-за десятилетней базуки люди пропадают один за другим, — поделился новостями Сюдзи Цусима, недоуменно хмурясь.

Поскольку они уже успели сойтись с мафиозным семейством, Сюдзи прекрасно знал принцип работы этого устройства. Базука должна была всего лишь менять человека местами с его версией из десятилетнего будущего — и ровно на пять минут. Однако столь масштабный сбой происходил впервые: бедолаг засасывало в пространственную воронку прямо посреди улицы, стоило им случайно оказаться на траектории шального снаряда.

— Чую тогда перепугался не на шутку, весь район вверх дном перевернул, а они так и не вернулись, хотя пять минут давно прошли.

В тот день Чую Накахара, на чьих глазах растворился в воздухе очередной прохожий, совершенно растерялся. Повинуясь первому порыву, он активировал гравитацию и перепахал всё в округе. Сюдзи пришлось долго бежать за ним следом, ловя момент, чтобы перехватить за руку и развеять эсперскую способность, когда тот немного остынет. Позже, поговаривали, на место происшествия экстренно прибыли техники из отдела снабжения, но докопаться до причин неполадки так и не смогли.

— Безумно переживаю за Цунаёши-нии и остальных. Вдруг с ними что-то случилось? — удручённо пробормотал Чую, подперев подбородок кулаком.

— А ведь точно! Я сегодня собирался размяться и навестил Хибари, но этой заносчивой птицы и след простыл. Неужели его тоже накрыло этой дурацкой трубой? — задумчиво протянул Сатору Годзё.

Нарушать обещания и уж тем более без причины пропускать хорошую драку было совершенно не в характере Кёя Хибари. Стоило Сатору услышать от Сюдзи об этих странностях, как пазл в его голове сложился.

— Завтра проверим, — подытожил Сатору. — Если они так и не объявятся, значит, дело дрянь.

— Кстати, Ранпо тоже куда-то пропал, — заметила Акико Ёсано, кивнув на лежащую на комодѐ головоломку — сложный деревянный механизм, собранный едва ли наполовину.

Уходя, Ранпо Эдогава самонадеянно заявил, что сегодня у него нет времени, но завтра он обязательно вернѐтся и закончит сборку. С тех пор прошло несколько дней, а он так и не появился.

— Может, у его предков какие-то дела? — предположил Сатору, комично поправив тёмные очки средним пальцем, подражая персонажам из манги.

Как ни крути, родители у Ранпо были людьми на редкость серьёзными и ответственными. Если они по какой-то причине не смогли лично доставить этого топографического кретина в гости, это многое объясняло.

— Отпусти его одного — он же в трёх соснах заблудится прямо у собственного крыльца, — хмыкнул Сатору.

Он до сих пор без содрогания не мог вспомнить тот злополучный день, когда Ранпо полчаса водил его кругами в поисках кондитерской, находившейся в двух шагах. В конце концов терпение Сатору лопнуло, он ухватил мелкого гения за шкурку и перенёсся на место с помощью проклятой энергии. Иначе они рисковали глупо помереть с голоду посреди оживлённого квартала — позор на всю оставшуюся жизнь.

— Твоя правда, — со вздохом согласилась Акико, прекрасно знавшая бытовую беспомощность их общего друга.

Их неторопливую беседу прервал тихий скрип ступеней. Заслышав шаги спускающегося Сакуносукэ Оды, все четверо синхронно повернули головы и уставились на него немигающими взглядами.

Ода замер на лестнице и, оценив обстановку, молча сделал два шага назад.

— Одасаку! — в два голоса взвыли Сюдзи и Чуя.

— Братец Ода! — подхватила Акико.

— Ода! — гаркнул Сатору.

Этот дружный хор прозвучал для писателя как приговор.

«Ну конечно, кто бы сомневался».

Одасаку понял, что сопротивление бесполезно. Смирившись со своей участью, он спустился в гостиную и сел в кресло, прижимая к груди стопку исписанных листов. Четверо заговорщиков тут же обступили его, заняв позиции по углам, словно колдуны во время спиритического сеанса.

«Никуда мне не деться».

Сакуносукэ почувствовал себя мухой, угодившей в паутину. Стоило ему протянуть рукопись, как в воздухе одновременно вспыхнули гравитационные искры и проклятая энергия, которые тут же со звоном погасли под действием «Неполноценного человека». Четыре руки мёртвой хваткой вцепились в края бумаги с разных сторон.

Ода лишь молча наблюдал за этой картиной.

Усвоив урок прошлого раза, когда их не в меру бурные разборки закончились строгим выговором и принудительным домашним арестом, сейчас ребята действовали аккуратнее. Они решили уладить вопрос первенства относительно мирным путём.

— Что ж, А-Дзи ухватил самый большой кусок, так что ему и читать первому, — рассудил Одасаку, протягивая рукопись победителю.

Сюдзи просиял. В последнее время Ода старался писать больше и усерднее. Он подолгу шлифовал каждую сцену, носил черновики на строгую редактуру к Аль-Хайтаму и только после этого показывал ребятам. От своих домашних цензоров он, разумеется, получал исключительно восторженные отзывы — друзья были счастливы уже тому, что Одасаку наконец-то пишет.

Пока Сюдзи бережно перелистывал страницы, остальные трое бесцеремонно уткнулись лбами в его плечи, пытаясь читать через голову товарища.

— Одасаку, а ты не думал отправить свои рассказы в журнал? — внезапно спросил Сюдзи, решив, что таланту их домашнего классика пора выходить в свет.

— Да ну... Куда мне, — смутился Ода, потирая затылок. — Мой слог ещё слишком сырой, глупо тягаться с настоящими мастерами слова.

— Не попробуешь — не узнаешь! — Сатору резко вскинул голову и с гордым видом веера выложил на стол целую стопку безлимитных кредитных карт.

У наследника великого клана Годзё всегда водились шальные деньги. Если бы Одасаку просто кивнул, Сатору без лишних слов выкупил бы для него любое крупное издательство со всеми потрохами.

— Выбирай любую контору, я её просто куплю. Будешь печатать всё, что твоей душе угодно, хоть каждый день, — великодушно предложил Сатору.

— Нет-нет, избавь меня от этого! — Одасаку испуганно замахал руками.

Он не сомневался: не останови он Годзё прямо сейчас, этот безумный богачей действительно купит половину литературного рынка страны.

— Одасаку, ты закончил уже целых три новеллы. Неужели тебе самому не обидно держать их в столе? — вкрадчиво проговорил Сюдзи, искусно вызывая к писательскому самолюбию Оды. Он скорчил преувеличенно жалостливую мину:

«Твои выпестованные детища, у которых есть голос, наверняка сейчас горько плачут в ящике письменного стола, забытые всеми...»

— Вот как... — пробормотал Ода, растерявшись.

Мысль о том, что рукописи обладают душой, показалась ему удивительно поэтичной и близкой.

— Твои тексты — это отражение твоей души, ты сам вдохнул в них жизнь, — мягко произнёс Кавех, незаметно подсевший к ребятам. — Не нужно бояться. Просто поверь в свои силы.

Архитектор сразу разгадал причину неуверенности Оды: тот считал восторги домочадцев предвзятыми.

— Творческий путь всегда полон сомнений. Реализовать свой проект — значит бесконечно рушить старые концепции, преодолевать страхи и создавать нечто принципиально новое, — тепло улыбнулся Кавех, делясь наболевшим профессиональным опытом.

— Хорошо... Пожалуй, я ещё раз перечитаю рассказы, исправлю пару мест, а потом посмотрю требования журналов, — принял решение Ода. Делать выбор всегда непросто, но он уже научился трезво взвешивать все за и против.

— Когда определишься с издательством, я пойду с тобой, — вызвался Кавех.

Он прекрасно понимал, что Ода со своей подростковой внешностью станет лёгкой добычей для прожжённых акул пера. Кавеху же, навидавшемуся капризных заказчиков и недобросовестных подрядчиков, было не привыкать отстаивать свои права. Он вполне мог защитить юного писателя от кабальных условий контракта и не позволить издателям обвести того вокруг пальца.

— Спасибо тебе, Кавех, — с облегчением выдохнул Одасаку. Присутствие столь надёжного взрослого вселяло уверенность.

Родители Ранпо Эдогавы уже давно обосновались в уединении, выбрав для жизни глухой, тихий уголок вдали от городской суеты. Изредка старые знакомые навещали Сигэо Эдогаву, привозя ему запутанные дела, требовавшие его феноменального ума, или передавая секретные документы. Однако в последнее время отец Ранпо практически перестал отлучаться из дома, проводя все дни в четырёх стенах.

— Отец, почему мне до сих пор нельзя выходить на улицу? — раздражённо спросил Ранпо, нервно накручивая на палец край своего короткого плаща. Юноша буквально изнывал от безделья.

— Сейчас я слишком занят и не могу составить тебе компанию, — в очередной раз повторил Сигэо.

Это было дежурной отговоркой. Отец упорно молчал о характере своих дел, и, как бы Ранпо ни пытался поймать его на лжи, его гениальная дедукция пасовала перед колоссальным опытом бывшего первоклассного сыщика.

— Мам, ну ма-а-ам... — Ранпо уныло поплёлся на кухню и обнял со спины Сэйко, которая хлопотала у плиты, пытаясь разжалобить её капризным тоном. — Может, мы с тобой вместе прогуляемся, а?

Он лип к ней, словно сладкий рисовый колобок, повсюду следуя за матерью хвостиком.

— Ранпо, будь умницей. Побудь пока дома, хорошо? — ласково ответила Сэйко, отставив миску и нежно потрепав сына по вихрастой макушке.

Ни материнскую заботу, ни отцовскую бдительность нынешний Ранпо преодолеть не мог — родители возвели вокруг него невидимую, но абсолютно непроницаемую стену. Каким бы выдающимся дедуктивным даром он ни обладал, Сигэо перед возвращением домой тщательно уничтожал любые зацепки и следы, не оставляя сыну ни единого шанса докопаться до истины.

Тогда Ранпо решил положиться на собственное чутьё, которое буквально кричало об опасности. Он принялся откровенно буянить и капризничать, надеясь отвлечь родителей и заставить их ослабить контроль. В суматохе люди часто упускают важные детали, но его замысел провалился. Сэйко лично следила за каждым шагом сына, пресекая любые попытки устроить диверсию.

В итоге бузотёра просто выставили на улицу, и Ранпо, надувшись, ушёл в сад, сердито пиная камушки.

«Четвёртый день».

Он томился под замком уже четвёртые сутки.

Оставшись наедине со своими мыслями, Ранпо принялся лихорадочно сопоставлять и анализировать мельчайшие крупички информации. Внешний вид, запахи, интонации — Сигэо держался безупречно, не выдавая себя ни единым жестом. Но у любого, даже самого идеального человека есть уязвимость, если у него есть семья. Его жена и сын — вот его главная слабость.

Давеча, поймав мимолётное отражение в чисто вымытом стакане у раковины, Ранпо заметил, каким тяжёлым, полным затаённой тревоги взглядом отец провожал его спину. Но стоило Сигэо повернуться к сыну лицом, как на его губах вновь заиграла безупречная, безмятежная улыбка.

«Что же там происходит?..»

Что за беда нависла над ними, если родители — самые сильные и умные люди в его мире — пошли на столь крайние меры, заперев его дома ради его же безопасности?

Ранпо раздражённо закачал ногами, сбивая носками ботинок сорную траву на нестриженном газоне. Чувство собственного бессилия и невозможность контролировать ситуацию невыносимо душили его.

«Я обязан во всём разобраться».

Он понимал, что стал объектом гиперопеки, но больше всего Ранпо боялся за самих родителей. Что, если, пытаясь оградить его от угрозы, они сами попадут под удар? Пусть Сигэо — опытный сыщик, а Сэйко прекрасно умеет постоять за себя, лавина непредвиденных событий может похоронить под собой любого.

«Мне нужно выбраться отсюда и позвать на помощь».

Ранпо долго размышлял над этим и в итоге пришёл к единственно верному, прагматичному решению. Раз уж он не может докопаться до сути дела в одиночку, нужно привлечь тех, кто обладает куда большими возможностями и связями. Было бы верхом глупости игнорировать помощь верных и могущественных друзей, способных перевернуть этот мир ради него.

Ранпо бросил долгий, оценивающий взгляд на высокую кирпичную ограду сада. Из дома донёсся ласковый голос Сэйко, звавший его к столу. Ранпо развернулся и послушно зашагал к двери, пряча решимость за привычной беззаботной улыбкой.

<http://bllate.org/book/18256/1755684>